

А.Л. Зиссерман

**25 лет на Кавказе,
1842-1867**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Л. Зиссерман**
25 лет на Кавказе, 1842-1867 / А.Л. Зиссерман – М.: Книга по Требованию,
2021. – 444 с.

ISBN 978-5-517-96357-4

ISBN 978-5-517-96357-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

аукціона какому-то провіантскому чиновнику за *шесть тысячъ* рублей, а этотъ перепродалъ машину кому-то въ Керчь, какъ говорили, за *двѣнадцать тысячъ*.

Такихъ примѣровъ на одномъ Кавказѣ можно бы привести не мало, а съ прибавленіями бѣломорскихъ, амурскихъ и проч., крупно субсидированныхъ компаній, можно пожалуй составить изрядный томъ. Что же это за злая судьба, такъ жестоко преслѣдующая наши предпріятія, повидимому, истекающія изъ такихъ прекрасныхъ общепользныхъ побужденій? Особенныя географическія, климатическія, этнографическія условія? Рѣдкость и крайняя неразвитость населенія? Отсутствіе въ большинствѣ мѣстностей всякой заводской, фабричной дѣятельности? Скудоуміе, неопытность или недобросовѣстность органовъ созидающихъ и агентовъ приводящихъ въ исполненіе всѣ эти, столь много обѣщающія предпріятія?.. Можетъ-быть и то, и другое, и третье. Очень грустно! Не пора ли появиться наконецъ опытнымъ, хорошимъ діагностамъ?...

Раскинутая на крутой горѣ Шемаха, ежечасно угрожаемая землетрясеніемъ; далѣе Куба, переправа въ бродъ чрезъ быстрый Самуръ—переправа, сопряженная съ опасностью быть опрокинутымъ; рѣзко измѣняющаяся мѣстность отъ все ближе и ближе подступающихъ отроговъ Кавказскаго хребта, сближающихся съ Каспіемъ; большая жизненность природы, выражающаяся, какъ всегда, обиліемъ и роскошью растительности; далѣе Дербентъ — этотъ оригинальный татарско-персидскій городъ, съ крѣпостью на горѣ и остатками стѣны кругомъ до самаго берега моря, возбуждающій воспоминанія о Великомъ Петрѣ, геній коего указалъ намъ путь къ этимъ владѣніямъ; затѣмъ рядъ большихъ богатыхъ ауловъ, прочно изъ камня построенныхъ, утопающихъ въ роскошной, цвѣтущей зелени; Буйнакъ, напомнившій мнѣ соблазнительнаго *Амалатъ-бека* Марлинскаго, эту пылкую фантазію, приводившую когда-то въ восторгъ неопытныхъ юныя души и сманившую меня на Кавказъ; далѣе еще нѣсколько ауловъ и станцій,

уже носящихъ болѣе тревожно-воинственный характеръ, вслѣдствіе близости непокорныхъ горцевъ — вотъ что возникаетъ предо мною при воспоминаніи о тогдашнемъ странствованіи.

Наконецъ, въ полдень 2-го мая, я въѣхалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, проскакавъ въ четверо сутокъ 840 верстъ. Сдавъ въ штабъ командующаго войсками привезенныя бумаги, я, по указанію „базарнаго“, остановился на квартирѣ въ домѣ какого-то женатаго солдата; отдохнуль сутки, явился командующему войсками князю Аргутинскому и былъ приглашенъ имъ къ обѣду; затѣмъ осмотрѣлъ административную столицу Дагестана, этого театра главнѣйшихъ военныхъ дѣйствій съ тридцатыхъ годовъ, и приготовился отправиться въ штабъ-квартиру своего Дагестанскаго пѣхотнаго полка, укрѣпленіе Ишкарты.

Темиръ-Ханъ-Шура, основанная въ 1832 году, какъ штабъ-квартира Апшеронскаго пѣхотнаго полка и центръ управленія Дагестаномъ, страдала недостаткомъ хорошей воды и отличалась классическою грязью и лихорадочнымъ воздухомъ, вслѣдствіе низменнаго своего положенія и какого-то гнилаго озера. Въ мой первый пріѣздъ въ 1851 году, она, впрочемъ, имѣла видъ порядочнаго уѣзднаго города, имѣла площадь съ неизбѣжнымъ базаромъ по воскресеньямъ, нѣсколько правильныхъ улицъ съ изрядными домами, не мало порядочныхъ магазиновъ и лавокъ, нѣсколько трактировъ съ билиярдами и въ одномъ даже съ *машинной*, переносившею слушателя въ Москву, главный пріютъ этихъ музыкальныхъ наслажденій. Былъ довольно обширный публичный садъ съ неизбѣжною дощечкой: „не мять, не рвать“ и т. д., гдѣ по праздникамъ играла музыка. Кругомъ Шура *) была обнесена неглубокимъ ровомъ; по фасамамъ были устроены батареи, на коихъ красовались крупныя крѣпостныя пушки; двѣ или три башни доми-

*) Для сокращенія тарабарскаго названія Темиръ-Ханъ-Шура, всѣ говорили просто — Шура.

нировали надъ ближайшею окрестностью; въѣздъ и выѣздъ ограничивался тремя воротами: дербентскими, ишкартинскими и кяфыр-кумыкскими, у коихъ стояли часовые и никого безъ прикрытія не выпускали, особенно въ ишкартинскія, чрезъ которыя дорога вела въ нашу штабъ-квартиру по пересѣченной, лѣсистой мѣстности, ближе къ отрогу хребта, отдѣлявшаго Шамхальскую плоскость отъ непокорныхъ сосѣдей, койсубулинцевъ.

Населеніе Шуры, понятно, было исключительно военное, съ незначительною примѣсью русскихъ и армянскихъ торговцевъ и подрядчиковъ, да нѣсколькихъ евреевъ ремесленниковъ. Интеллигентное общество составляли чины штаба командующаго войсками, офицеры Апшеронскаго полка, нѣсколько инженеровъ и артиллеристовъ да значительный медицинскій персоналъ; массу же — люди Апшеронскаго полка и другихъ военныхъ командъ, да женатыя служащіе и отставные солдаты, устроившіеся весьма хорошо. Нечего грѣха таить, въ первомъ преобладали карты и сплетни, во второй — пьянство. Служебное дѣло, впрочемъ, исполнялось болѣе или менѣе удовлетворительно; о какихъ нибудь беспорядкахъ или крупныхъ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ не могло быть и помину *), не только потому что командовавшій войсками генералъ-адъютантъ князь Аргутинскій-Долгорукій, какъ я уже упоминалъ, былъ неоспоримо честный, безкорыстный человѣкъ, но еще болѣе потому, что онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, умѣлъ, помимо сплетень или мелкихъ интригъ, узнавать что дѣлается въ краѣ и имѣлъ въ этомъ отношеніи хорошаго помощника въ своемъ начальникѣ штаба, полковникѣ Индреніусѣ, принадлежавшемъ къ той категоріи офицеровъ, про которыхъ у насъ говорили:

*) Обычныя въ тѣ времена пользованія извѣстными „экономіями“ и выгодами, само собою, практиковались и тутъ; въ этомъ отношеніи во всей Россіи исключеній не было, а были только, такъ сказать, оттѣнки: гдѣ слабѣе, осторожнѣе, гдѣ шире, безцеремоннѣе... Шура и вообще Дагестанъ при кн. Аргутинскомъ принадлежали къ категоріи умѣренныхъ.

„честенъ какъ шведъ“. Всѣ они, эти офицеры изъ финляндцевъ, отличались своею пуританскою честностью, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, нѣкоторымъ педантизмомъ, плохимъ знаніемъ русскаго языка, неособенными способностями, могущими выдвинуть человѣка изъ общей массы, и скромнымъ образомъ жизни. Это были въ высшей степени полезные труженики и помощники во всѣхъ отрасляхъ военной службы.

Умственная жизнь вертѣлась, главнымъ образомъ, на толкахъ о предстоящихъ и минувшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, на критикѣ распоряженій начальства, наградахъ и повышеніяхъ. Читающихъ было весьма мало. Въ мой пріѣздъ въ Шуру, много было разговоровъ о недавнемъ происшествіи, въ которомъ пострадалъ 1-й эскадронъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Дѣло въ томъ, что Гаджи-Мурадъ, о которомъ я рассказывалъ въ первой части, совершилъ одинъ изъ своихъ замѣчательно смѣлыхъ набѣговъ, пробравшись чрезъ Акушу къ берегу моря, угналъ пасшихся тамъ 200 казенныхъ лошадей Самурскаго пѣхотнаго полка и ушелъ съ ними, пробираясь въ тылу всѣхъ нашихъ укрѣпленій и штабовъ. Близъ урочища Озень, въ лѣсистой пересѣченной мѣстности, онъ былъ настигнутъ покакавшими по тревогѣ изъ Шуры двумя эскадронами драгунъ, и, не видя возможности продолжать отступленіе, занялъ одну лѣсистую высоту, наскоро оградивъ ее нѣсколькими засѣлками, и засѣлъ съ своими тремястами мюридами, рассчитывая, что драгуны въ этой позиціи его не рѣшатся атаковать; до прибытія же пѣхоты наступить ночь, и можно будетъ улизнуть, бросивъ добычу. Командовавшій драгунами подполковникъ Золотухинъ, зная что за нимъ бѣгомъ слѣдуетъ 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка, долженъ былъ бы, по возможности, окружить занятую горцами позицію, не давая имъ уйти до прибытія пѣхоты, которая уже распорядилась бы съ ними по своему, и, нѣтъ сомнѣнія, Гаджи-Мурадъ со всею партіей палъ бы жертвой отваги. Въмѣсто того, Золотухинъ, спѣшивъ одинъ эскадронъ, рѣшился съ нимъ атаковать лѣ-

систую, загражденную засѣками высоту, занятую болѣе чѣмъ втрое сильнѣйшимъ непріателемъ, притомъ храбрѣйшими наѣздицами, готовившимися въ своемъ отчаянномъ положеніи дорого продать свою жизнь. Заносчивость Золотухина имѣла печальныя послѣдствія: самъ онъ былъ убитъ, молодой офицеръ князь Ратіевъ тоже, эскадронный командиръ, капитанъ Джемарджидзе, и еще одинъ офицеръ ранены; изъ 85—90 человекъ въ эскадронѣ выбыло изъ строя убитыми болѣе 30 человекъ... Безумный штурмъ былъ отбитъ, и Гаджи-Мурадъ, отдѣлавшись дешево отъ угрожавшей ему опасности, потерялъ лишь нѣсколько человекъ и ушелъ. А между тѣмъ баталіонъ почти бѣгомъ совершилъ 30-ти верстный переходъ и появился на мѣстѣ происшествія, когда непріателя слѣдъ простыл!

И излишняя храбрость не всегда полезна и похвальна; все необходимо подчинять благоразумію. Кавказская малая война была великая школа; тутъ на практикѣ можно было поучиться и военному ремеслу, и военной администраціи, во всѣхъ ихъ разнородныхъ проявленіяхъ, и выработать нужную военному человеку быстроту взгляда, силу характера и энергію. Была бы лишь нѣкоторая способность наблюденія, нѣкоторая подготовка, да охота учиться. Изъ этой школы вышли многіе хорошіе военные дѣятели, а нѣкоторые поистинѣ замѣчательные, впоследствии довершителі долголѣтней кавказской борьбы, внесли свои имена на страницы нашихъ лѣтописей—имена, которыя потомство должно будетъ приносить съ благодарностью.

Въ Шуру почти ежедневно приходили изъ Ишкарты оказіи за полученіемъ почты, денегъ, для приѣма выписывающихся изъ госпиталя людей и т. п. Для этого въ Шурѣ постоянно находился изъ Дагестанскаго полка офицеръ, завѣдывавшій всѣми этими дѣлами. Къ нему я и отправился, чтобъ узнать, когда и какъ можно будетъ уѣхать въ Ишкарты. Отъ него я узналъ, что въ Шурѣ находится полко-

вой казначей, возвращающийся на другой день въ полкъ, и что, поведавшись съ нимъ, я устрою всё свои дѣла.

Отыскавъ квартиру казначея, подпоручика Ясницкаго, я встрѣтилъ въ немъ очень любезнаго однополчанина, предложившаго мнѣ мѣсто на своей повозкѣ, а моему Давыду съ вещами—на другой полковой телѣгѣ. Такимъ образомъ, 6-го мая мы выступили въ Ишкарты *съ оказіей*, подъ прикрытіемъ 40 человекъ, и пропутешествовали 14 верстъ часа три.

Въ теченіи этихъ часовъ мы успѣли наговориться досыта, и я получилъ нѣкоторое понятіе о полкѣ, о службѣ въ немъ, о начальствующихъ лицахъ, расположеніи баталіоновъ и разныхъ условіяхъ предстоящаго мнѣ, совершенно для меня новаго, полковаго житья-бытья. Между прочимъ, Ясницкій сказалъ мнѣ, что большинство вновь прибывающихъ въ полкъ офицеровъ полковой командиръ, полковникъ Броневскій, оставляетъ въ штабъ-квартирѣ, для испытанія степени ихъ познанія по фронтовой службѣ, что, конечно, не особенно пріятно, ибо лишаетъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, а слѣдовательно и наградъ; но бываютъ и исключенія. Если я попаду въ число такихъ счастливецъ, то мнѣ вѣрно не долго придется оставаться въ Ишкарты, такъ какъ въ концѣ мая отрядъ уже выступитъ въ горы; впрочемъ, изъ полка только одинъ 3-й баталіонъ поступитъ въ составъ отряда: 1-й, 2-й и 4-й расположены были въ разныхъ укрѣпленіяхъ и аулахъ для обороны края, а 5-й вообще постоянно остается въ штабѣ.

Прибывъ въ Ишкарты, я остановился въ отведенной мнѣ квартирѣ, и съ нѣкоторымъ волненіемъ сталъ ожидать слѣдующаго утра—явки къ новому начальству, о строгости и педантизмѣ коего я уже кое-что слышалъ, и дальнѣйшей своей судьбы. Признаюсь, сердце у меня постукивало не совсѣмъ спокойно: самый видъ Ишкарты уныло-сѣрый, отсутствіе всякой жизни и движенія, молчаливо кое-гдѣ проходящіе солдаты, тишина—уже настраивали на какой-то мрачный ладъ; а тутъ еще—сознаніе въ своемъ совершенномъ невѣжествѣ по части фронтовой службы, въ которой я былъ

хуже рекрута, воспоминанія о дѣятельности въ Тушинскомъ округѣ, Элису, Кутансѣ, гдѣ такъ или иначе я игралъ болѣе или менѣе замѣтную роль, о своихъ отношеніяхъ къ наивысшимъ властямъ въ краѣ и т. д., и вдругъ долженъ очутиться въ жалкомъ положеніи ничего незнающаго ученика, подвергающагося за это рѣзкимъ замѣчаніямъ и выговорамъ... Я проходилъ весь вечеръ взадъ и впередъ предъ своею квартирой, думая, думая безъ конца... Давыдъ, между тѣмъ, устроивъ на скорую руку мою постель, стоялъ у воротъ и какъ-то печально приглашалъ меня идти чай пить. Онъ какъ будто инстинктивно догадывался о моемъ безпокойствѣ, и самъ, очутившись уже въ вовсе ему дикой сферѣ, былъ очевидно печаленъ, вспомнивъ, безъ сомнѣнія, объ оставленной далекой Грузіи, женѣ, саклѣ, шумящей Гюрѣ съ ея форелями...

И какъ это я такъ легкомысленно, думалось мнѣ, пустился въ такую службу? На чемъ это я основывалъ свои мечты, что вотъ прибуду въ полкъ, дадутъ мнѣ роту, пойду я съ нею въ походъ, начнется дѣло, меня пошлутъ занять какую-нибудь гору или обойти непріятеля, все это я отлично, какъ опытный въ горахъ человекъ, исполню, въ рѣшительную минуту крикну: „за мной, братцы, ура!“ послѣдуетъ молодецкій ударъ въ штыки, непріятель побитъ, я возвращаюсь съ торжествомъ, пишется и печатается реляція, получаютъ награды... Чортъ знаетъ, какую глупость сдѣлалъ!—упрекалъ я себя, все болѣе и болѣе озлобляясь и впадая уже въ противоположную крайность. Вотъ засадятъ въ Ишкарты изучать фронтовую службу, очутишься послѣднимъ изъ послѣднихъ, наслушаешься каждый день этихъ: „вы, м. г., ничего не знаете, извольте учиться, такъ служить нельзя-съ, вы здѣсь не приставъ“ и т. п. Окончательно обезкураженный и утомленный, я наконецъ повалился на свою походную желѣзную кровать и долго еще верочался, пока не заснулъ безпокойнымъ, тяжелымъ сномъ...

Въ восемь часовъ утра, въ полной формѣ, отправился

являться. Прихожу въ переднюю квартиры полкового командира, застаю трехъ офицеровъ при шарфахъ, одного унтеръ-офицера и рядоваго съ ружьями, въ ранцахъ и горниста съ трубой. Спрашиваю, какъ мнѣ явиться къ полковнику. Говорятъ, подождите здѣсь, онъ сейчасъ выйдетъ, тогда представитесь. [Ждемъ. Черезъ нѣсколько минутъ, въ теченіи коихъ одинъ изъ офицеровъ все осматривалъ унтера и рядоваго, поправляя на нихъ то ранецъ, то какой-нибудь крючокъ, то повторяя: „смотри-же, подходить смѣло, говорить громко, внятно,“—отворилась дверь, и на порогѣ предсталъ полковникъ, видный, среднихъ лѣтъ мужчина, съ просѣдью, строгій, внушительный взглядъ. Какъ только онъ остановился, къ нему подошелъ офицеръ, вытянувшись въ струнку, руки по швамъ.

— Господинъ полковникъ, на всѣхъ постахъ и караулахъ Его Императорскаго Величества обстоитъ благополучно.—Отступилъ въ сторону.

Подходить другой.

— Господинъ полковникъ, дежурнымъ по карауламъ въ укрѣпленіе Ишкарты назначенъ.—Отступилъ.

Третій.

— Господинъ полковникъ, визитиръ-рундомъ назначенъ.

Полковникъ, дѣлая видъ, что меня не замѣчаетъ, обращается къ унтеръ-офицеру: „подходи“.

Тотъ беретъ на плечо, подходитъ три шага, вытянувшись, выпучивъ грудь, втянувъ животъ, смотря прямо предъ собою; остановился, громко говорить: „къ вашему высокоблагородію отъ 15-й мушкатерской роты на ординарцы наряженъ“. Едва замѣтно легкое дрожаніе въ голосѣ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Иванъ Бондарчукъ, ваше высокоблагородіе.

— Съ котораго года на службѣ?

— Съ 1844, ваше высокоблагородіе.

— Какой губерніи?

— *Катеринославской*, ваше высокоблагородіе.

— Налѣво кругомъ, въ свое мѣсто.

Поворачивается, какъ слѣдуетъ по уставу, отходить.

— Подходи, обращается полковникъ къ рядовому.

— Къ вашему высокоблагородію, для *обсмылокъ* присланъ.

Повторяется та же процедура.

— Горнисть, играй № 9-й.

Раздаются рѣзкіе, въ комнатѣ невыносимые звуки.

— Ординарецъ, пой сигналъ.

— Разсыптесь, молодцы, за камни, за кусты, по два въ рядъ!—пропѣлъ потѣвущій, дрожащій унтеръ какимъ-то надтреснувшимъ голосомъ?

— Горнисть, № 4-й. Пой.

— Лѣ-вому хлангу.

У полковника появляется едва замѣтная улыбка, безъ сомнѣнія отъ *хлана*, вмѣсто фланга. (Хохолъ говоритъ на оборотъ: *фостъ* вмѣсто хвостъ и *хвантазія* вмѣсто фантазія).

То же повторяется съ вѣстовымъ.

Затѣмъ полковникъ говоритъ: „хорошо“, на что раздается громко: „ради стараться, ваше высокоблагородіе!“ Обращаясь къ офицерамъ: „мое почтеніе“. Тѣ начинаютъ выходить, а полковникъ обращаетъ ко мнѣ вопросительный взглядъ. Тогда я, наконецъ, подхожу, подражая уже только-что видѣнному, вытягиваясь въ струнку.

— Господинъ полковникъ, честь имѣю явиться: зачисленный въ Дагестанскій пѣхотный полкъ поручикъ З.

— Когда прибыли? Гдѣ прежде служили?

Отвѣтивъ на эти вопросы, вынимаю изъ кармана письмо отъ генерала Вольфа и подаю.

— Отъ кого?

— Отъ Николая Ивановича Вольфа, говорю.

— А генералъ васъ лично знаетъ?

— Точно такъ, говорю,—имѣю честь быть лично знакомымъ.

— Что подѣлываетъ Николай Ивановичъ?

— Слава Богу, говорю, здоровъ; поручилъ мнѣ передать его поклонъ.

— Извольте явиться въ полковую канцелярію и ожидать дальнѣйшихъ приказаній, сказалъ полковникъ, кивнулъ мнѣ головой и съ нераспечатаннымъ письмомъ удалился.

Во всей этой сценѣ, если хотите, не было ничего особеннаго; но для меня, новичка, ничего подобнаго не видавшего, въ полнѣйшей серьезности, съ какою все это продѣлывалось, въ родѣ какого-то священнодѣйствія, выразился какой-то новый міръ, странный, не вполне мнѣ понятный, отчасти комическій... Съ теченіемъ времени, постепенно, видя и продѣлывая ежедневно самъ всѣ эти артикулы тогдашней сложной фронтовой службы, я привыкъ къ нимъ; они уже не казались мнѣ такими странными и весьма рѣдко возбуждали смѣхъ, хотя въ другихъ полкахъ они или почти вовсе не практиковались, или, во всякомъ случаѣ, далеко не съ такою педантичностью, что не мѣшало имъ служить и драться ничуть не хуже Дагестанскаго, гдѣ описанная процедура съ ординарцами повторялась неукоснительно каждый день.

Изъ дальнѣйшаго разсказа о службѣ моей въ Дагестанскомъ полку читатель увидить, что въ немъ, по заведеннымъ полковникомъ Броневскимъ порядкамъ, вообще преобладало много такой мелочной педантичности, такой не совсѣмъ нужной строгости и какого-то холодно-мрачнаго „въ страхѣ держанія“, напоминавшихъ чуть не времена Павловскія, — которыя вообще въ кавказскихъ войскахъ не практиковались, не были въ обычаѣ, нерѣдко осуждались даже высшими начальниками, лучше изучившими духъ войскъ и условія ихъ тяжелой службы; а въ офицерскихъ кружкахъ своего полка возбуждали неудовольствіе, отъ чужихъ полковъ насмѣшки и глумленія... Ишкарты были прозваны монастыремъ, а полковникъ — игуменомъ. И дѣйствительно, то и другое было такъ похоже на правду. При всемъ томъ, не грѣша предъ истиной, долженъ сказать, что Павелъ Нико-